

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бреславский А.С. Все в Улан-Удэ? Трансформация городского расселения в Республике Бурятия в 1990–2010-е гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.72140 EDN: WIKVLF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72140

Все в Улан-Удэ? Трансформация городского расселения в Республике Бурятия в 1990–2010-е гг.

Бреславский Анатолий Сергеевич

кандидат исторических наук

ведущий научный сотрудник; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

670049, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, оф. 314

 anabres05@mail.ru

Статья из рубрики "Количественные методы в истории, историческая информатика"

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.6.72140

EDN:

WIKVLF

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2024

Аннотация: Трансформация городского и пригородного расселения в постсоветской России, ее источники, масштабы, последствия и результаты, региональное разнообразие остаются слабо осмысленными в отечественной исторической науке. То же характерно и для историографии современного урбанизационного процесса в стране и ее отдельных регионах. Цель настоящей статьи – представить основные итоги постсоветской трансформации городского расселения в Республике Бурятия в разрезе городов, поселков городского типа региона, столичной агломерации и ближайших пригородов республиканского центра – Улан-Удэ. Предметом исследования выступают исторические закономерности обозначенной трансформации, количественные и качественные изменения в структуре городских населенных пунктов. Результаты исследования базируются на анализе материалов четырех последних переписей населения России (СССР), нормативно-правовых актов и распорядительной документации региональных и местных органов власти, представленных в Государственном архиве Республике Бурятия (ГАРБ), архивных отделах муниципальных образований республики, а также в открытом

доступе в сети Интернет (на официальных порталах статистической и правовой информации). Работа опиралась на принципы историзма, объективности, системный подход к анализу изучаемых явлений и процессов, специальные методы исторического исследования: историко-генетический, историко-хронологический, историко-сравнительный, а также статистический метод. Трансформация городского расселения в республике стала следствием усложнения урбанизационного процесса в регионе в 1990–2010-е гг. В его структуре получили развитие помимо продолжающейся урбанизации дезурбанизация и субурбанизация. При том, что все города региона сохранили этот статус, более половины пгт были преобразованы в сельские населенные пункты, еще два – ликвидированы в связи с исполнением своей исторической роли. Убыль городского населения (около 10% за три десятилетия), ставшая следствием оттока населения из городов и пгт, «перемещения» части городского населения в категорию сельского в результате административно-территориальных преобразований пгт, была существенно сглажена приростом населения в республиканской столице и ее пригородной зоне. Обозначенная трансформация городского и пригородного расселения стала ответом общественных систем на изменившиеся в 1990–2010-е гг. условия жизни, диспропорции в развитии главного ресурсного центра республики – Улан-Удэ и других ее населенных пунктов.

Ключевые слова:

городское расселение, урбанизация, город, поселок городского типа, городская агломерация, пригород, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия, субурбанизация

Статья подготовлена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII–XXI вв.», номер госрегистрации: 121031000243-5).

1. Введение

Временный, но весьма длительный уход государства из сферы регулирования городским развитием в 1990-е гг. отчетливо проявил все слабости как административно-командной, так и либеральной модели в делах городского управления в России, которые нам еще предстоит изучить. При этом вполне очевидно, что сотни городских населенных пунктов страны всех уровней, утратив значительную часть своего промышленного потенциала, поддержку градообразующих предприятий, государственное социальное обеспечение, ресурсы для инфраструктурного развития, пережили серьезные социально-экономические и демографические проблемы в поисках новых источников для существования и развития. На другом полюсе этих процессов – разрастающиеся (подчас вне планов) городские агломерации страны и отдельные, менее крупные, но привлекательные для внутренних и внешних мигрантов региональные центры, в которых исследователи фиксируют как продолжающуюся урбанизацию, так и разворачивающуюся субурбанизацию, связанную с движением населения, капитала и пр. из центральных городских микрорайонов в пригородные (см. обзор исследований: [\[12, с. 105–151\]](#)).

Комплексное научное осмысление глубинной функциональной, демографической и структурной трансформации обширной сети городских поселений на востоке России после распада СССР все еще осложнено нехваткой региональных исследований [\[13, с. 17–51; 23; 24\]](#), в том числе в рамках исторической демографии, дисциплинарное развитие

которой происходит с ощутимыми трудностями [\[14\]](#). Немногочисленные работы в этом предметном поле (в указанных хронологических и территориальных рамках) в последние годы были сфокусированы в основном на региональных центрах Сибири и Дальнего Востока (напр.: [\[15; 20\]](#)), в то время как остальные городские населенные пункты за редким исключением оставались на периферии академического внимания, в том числе отечественной исторической урбанистики [\[13, с. 29-50\]](#).

В данной статье мы представим к обсуждению основные результаты постсоветской трансформации городского расселения в Республике Бурятия в разрезе ее городов, пгт и столичной Улан-Удэнской агломерации. Отметим, эта работа – часть более объемного исследования, посвященного трансформации городского и пригородного расселения в регионах Забайкалья и Дальнего Востока России в 1990–2010-е гг., реализуемого нами с 2018 г.

2. Историография городов Бурятии

Перед тем, как перейти к обзору результатов исследования, отметим, что изучение урбанизационного процесса в Бурятии имеет под собой сравнительно благоприятную почву благодаря усилиям главным образом региональных историков, осветивших в своих работах отдельные вопросы урбанизации, формирования городского населения в регионе в дореволюционный (напр.: [\[17; 22\]](#)) и советский период (напр.: [\[4; 6; 7; 25\]](#)). Основное внимание исследователей городской истории было обращено к региональному центру: Улан-Удэ становился объектом для такого рода работ, в том числе монографического плана, многократно, что позволило местным ученым в середине 2010-х гг. подготовить крупное двухтомное научное издание по истории города и территории, на которой он расположен, с периода Древности до начала XXI в. [\[26\]](#). В то же время истории остальных пяти ныне существующих малых городов региона (Бабушкин, Гусиноозерск, Закаменск, Кяхта, Северобайкальск) оказалось посвящено уже заметно меньшее внимание [\[5; 8; 9; 19; 21; 28; 29\]](#), за исключением, пожалуй, Кяхты, ввиду ее особого исторического значения [\[18; 27\]](#). При этом, например, те же вопросы демографического развития малых городов Бурятии в XX в. остались слабо осмысленными. Одновременно в целом все еще мало изучена история поселков городского типа региона, которых к концу 1980-х гг. в регионе было более тридцати (см. табл. 1). В целом, надо признать, история советской урбанизации региона не получила комплексного исторического исследования, что в некоторой степени затрудняет и осмысление постсоветской трансформации городского и пригородного расселения в республике.

3. Итоги городского расселения в Бурятской АССР конца 1980-х гг.

Переходя к эмпирическим данным, отметим, что в Бурятской АССР (с 1992 г. – Республика Бурятия), по данным ВПН-1989, в городских поселениях (6 городах и 33 пгт) проживало уже 61,5% всего населения или 640,4 тыс. чел. (см. табл. 1, 2, 3). По этому показателю – доле городского населения – республика занимала при этом последнее место среди всех регионов Забайкалья и Дальнего Востока, если не брать в расчет Агинский Бурятский автономный округ и Корякский автономный округ, относящиеся в то время соответственно к Читинской и Камчатской областям.

Большая часть городского населения Бурятской АССР (57,4%) – 367,7 тыс. чел. в начале 1989 г. была сосредоточена в столице республики – г. Улан-Удэ (352,5 тыс. чел.) и подчиненных его администрации рабочих поселках – пгт Заречный и Сокол (7,9 и 7,2

тыс. чел. соответственно). Имея к этому времени уже более чем 300-летнюю историю (осн. в 1666 г.) острога, крепости, уездного города, многофункциональной столицы автономной республики, главного ее промышленного центра, Улан-Удэ прочно занимал в системе городского расселения республики не просто центральное, а выдающееся положение. На обширной территории страны от Байкала до Тихого океана он был четвертым по численности жителей среди чуть более 80 городов Забайкалья и Дальнего Востока (после Владивостока, Хабаровска и Читы).

Таблица 1. Структура городских населенных пунктов Республики Бурятия (Бурятской АССР)

по данным ВПН 1989, 2002, 2010, 2020 гг.

ВПН	Всего городов	Крупные города (250–500 тыс. чел.)	Малые города (менее 50 тыс. чел.)	Всего ПГТ	Поселки городского типа						
					до 1 тыс. чел.	1-3 тыс. чел.	3-6 тыс. чел.	6-9 тыс. чел.	9-12 тыс. чел.	12-15 тыс. чел.	15 тыс. и более
1989	6	1	5	33	1	7	10	9	4	1	1
2002	6	1	5	29	3	8	10	4	3	-	1
2010	6	1	5	14	2	2	5	2	2	1	-
2020	6	1	5	12	3	2	2	3	1	1	-

Сост. по: ВПН-1989. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 12.08.2024); ВПН-2002. Численность городского населения РФ, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата доступа: 14.01.2023); ВПН-2010. Численность населения городских населенных пунктов РФ. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 06.08.2024); Итоги ВПН-2020. Т. 1. Численность и размещение населения РФ. URL: [https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislenost_i_razmeshchenie_naseleniya](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya) (дата обращения: 02.07.2024). Без учета пгт Гоуджекит Северобайкальского района Бурятской АССР, указанного в переписи 1989 г. уже без населения.

Таблица 2. Динамика численности городского населения Республики Бурятия, столичной агломерации и ближайших пригородов регионального центра между ВПН-1989 и ВПН-2020

Показатель	Численность населения, тыс. чел.				Прирост / убытие	
	ВПН-1989	ВПН-2002	ВПН-2010	ВПН-2020	тыс. чел.	%
Общая численность населения	1041,1	981,2	972	978,5	-62,6	-6
Численность городского	640,4	584,9	567,6	578,5	-61,9	-9,68

населения						
Общее население городов	451,8	447,3	490,3	519,8	68	15,1
Общее население пгт	188,6	137,6	77,3	58,6	-130	-68,9
Население регионального центра – Улан-Удэ	352,5	359,4	404,4	437,5	85	24,1
Население административно выделенной Улан-Удэнской агломерации	498,8	509,5	535,7	602,9	104,1	20,8
Население ближайших пригородов Улан-Удэ	17933	25377	39100	82959	65026	362,6

Сост. и рассчит. по: ВПН-1989. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 12.08.2024); ВПН-2002. Численность городского населения РФ, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата доступа: 14.01.2023); ВПН-2010. Численность населения городских населенных пунктов РФ. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 06.08.2024); Итоги ВПН-2020. Т. 1. Численность и размещение населения РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 02.07.2024); Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу. ВПН-1989. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 09.04.2024); Численность населения России и ее территориальных единиц по полу. ВПН-2002. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg1.php (дата доступа: 14.01.2023); Численность населения России, субъектов РФ, городов и районов. ВПН-2010. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg1.php (дата доступа: 14.01.2023). Данные по численности жителей сельских населенных пунктов – ближайших пригородов Улан-Удэ получены по специальному запросу в Росстат и его региональное отделение в Республике Бурятия.

Таблица 3. Изменение отдельных показателей в движении городского населения Республики Бурятия, столичной агломерации, ближайших пригородов регионального центра между ВПН-1989 и ВПН-2020

Регион	Численность населения, тыс. чел.				Изменение, процентных пунктов
	ВПН-1989	ВПН-2002	ВПН-2010	ВПН-2020	
Доля городского населения в общем населении региона	61,5	59,6	58,4	59,1	-2,4
Доля городов в городском населении	70,5	76,5	86,4	89,9	19,31

региона					
Доля пгт в городском населении региона	29,5	23,5	13,6	10,1	-19,31
Доля населения регионального центра – Улан-Удэ в общей численности населения региона	33,8	36,5	41,6	44,7	10,9
Доля населения регионального центра – Улан-Удэ в общей численности городского населения региона	55	61,4	71,2	75,6	20,6
Доля населения административно-выделенной Улан-Удэнской агломерации в общем населении региона	47,9	51,9	55,1	61,6	13,7

Сост. и рассчит. по тем же источникам, что табл. 2.

Остальные – 272,7 тыс. чел. городского населения Бурятской АССР к началу 1989 г. были дисперсно рассредоточены по малым городам и рабочим поселкам республики. Речь идет о г. Гусиноозерск (29,7 тыс.), г. Северобайкальск (28,3 тыс. чел.), г. Закаменск (15,5 тыс.), г. Бабушкин (7,2 тыс.), г. Кяхта (18,3 тыс.) и 31 рабочем поселке в 14 из 20 существовавших на тот момент районах республики. В шести районах Бурятской АССР к концу 1980-х гг. городские населенные пункты вообще отсутствовали (Бичурский, Еравнинский, Курумканский, Мухоршибирский, Окинский, Тарбагатайский), хотя в большей части из них располагались крупные села, в частности, районные центры.

Возвращаясь к малым городам республики, отметим, что в 1980-е гг. Гусиноозерск (город с 1953 г.) получил дополнительное развитие в связи с начатым чуть ранее строительством Гусиноозерской ГРЭС (до этого рассматривался как центр добычи угля) [\[9\]](#). БАМовский Северобайкальск, будучи самым «молодым» городом региона (зарегистрирован как поселение в 1975 г., статус города – с 1980 г.), к концу 1980-х гг. успел приобрести не только свои современные очертания, но и столкнуться с первыми проблемами советского планирования: ведомственные расчеты по численности населения, потребностям горожан в жилье и пр. оказались занижены, что уже тогда отражалось на качестве жизни населения [\[28, с. 90\]](#). Закаменск (город с 1944 г.) в это время продолжал функционировать главным образом как районный и промышленный центр при Джидинском вольфрамо-молибденовом комбинате [\[21\]](#). Кяхта, получившая статус города еще в дореволюционный период, сохраняла функции районного центра и приграничного (с Монгoliей) пункта [\[18\]](#). Еще один город с дореволюционной историей – Бабушкин – оставался небольшим железнодорожным пунктом на Транссибе с наименее определенной траекторией развития [\[19\]](#). Показательно, что среди всех 6 городов Бурятской АССР с 1979 по 1989 г. только в Бабушкине фиксировался пусть незначительный (88 чел.), но отток населения, при этом население города продолжало

не соответствовать критерию людности (12 тыс. чел.), предъявляемому к городам в РСФСР в то время (см. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 17.08.1982 г.). Е конце 1980-х гг. три города имели республиканское значение (Гусиноозерск, Северобайкальск, Улан-Удэ), остальные – были городами районного уровня (Бабушкин, Закаменск, Кяхта). Отметим, что в силу удаленности городов республики друг от друга ни в советский период, ни позднее между ними не могли сформироваться агломерационные связи.

Общее население поселков городского типа (пгт) республики, включая пристоличные Заречный и Сокол (у г. Улан-Удэ), на начало 1989 г., по нашим подсчетам, составляло 188,6 тыс. чел. (почти 30% от городского населения – табл. 3) Среди них был лишь один поселок с населением менее 1 тыс. чел. (пгт Чикой), 7 поселков – с населением от 1 до 3 тыс. чел., 10 поселков – от 3 до 6 тыс. чел., 9 поселков – от 6 до 9 тыс. чел., 4 – с населением от 9 до 12 тыс. чел. и по одному поселку с населением от 12 до 15 тыс. (пгт Таксимо) и выше 15 тыс. чел. (пгт Селенгинск) (табл. 1).

Среди 33 пгт 6 были районными центрами в основном с невыраженной промышленной базой (Баргузин, Багдарин, Иволгинск, Кырен, Хоринск). Еще до распада СССР, а именно в 1990–1991 гг., большая их часть, как мы покажем далее, отказалась от статуса пгт в пользу «снп» на фоне провозглашения новой государственной политики поддержки сельских территорий, их экономики и инфраструктуры. Схожие процессы имели место и в других регионах, например, в Калмыкии [\[16\]](#).

Промышленным значением среди пгт в республике выделялся Селенгинск, оформившийся во второй половине XX в. как поселок при крупном целлюлозно-картонном комбинате, пгт Онохой с его одноименным лесоперерабатывающим комплексом (ЛПК), пгт Каменск (Тимлюйский цементный завод), что хорошо иллюстрирует историю советской индустриализации региона [\[6\]](#). Вторым по численности пгт республики и вторым по значимости центром бурятского участка БАМ (после Северобайкальска) к концу советского периода стал пгт Таксимо [\[3, с. 53\]](#), получивший ускоренное развитие в 1980-е гг. наряду с такими пгт, как Северомуйск, Новый Уоян, Нижнеангарск, Тоннельный и менее крупными пгт Кичера, Янчукан. В связи с образованием нового Муйского района в составе БурАССР в 1989 г. [Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 3322. Л. 9] Таксимо становится его административным центром, что, в частности, позволило закрепить в нем местное население после завершения основных этапов строительства железнодорожной магистрали. С добычей полезных ископаемых оказались связаны два пгт Закаменского района (Баянгол и Хотосон) – часть производственно-территориальной системы Вольфрамо-молибденового комбината г. Закаменска, а также пгт Новокижингинск Кижингинского района, в 1980-е гг. переживавший свой расцвет в связи с освоением Ермаковского бериллий-флюоритового месторождения, также важного для военной промышленности. В значительной части пгт как основной, так и одной из главных отраслей экономики оставалась лесозаготовка и лесообработка. Часть пгт была связана также с Восточно-Сибирской железной дорогой, железнодорожной линией Улан-Удэ – Кяхта. Здесь отметим также, что к концу 1980-х в республике сохранялась транспортная изолированность поселений Бурятского участка БАМ, в т.ч. г. Северобайкальска, пгт Северобайкальского и Муйского районов, от основной части региона, что было характерно, например, и для соседней Читинской области (ее Каларского района).

Таким образом, к концу 1980-х гг. на территории республики сформировалась относительно разветвленная сеть городских населенных пунктов, в структуре которых

центральное место занимал Улан-Удэ – наиболее крупный и инфраструктурно развитый город региона. При этом, как и по всей стране и, в частности, в Забайкалье и на Дальнем Востоке городские населенные пункты республики, включая Улан-Удэ, не были лишены хронических проблем с жильем, развитием социально-бытовой, инженерной инфраструктуры, сервиса, торговли и пр., словом, всего того, что было характерно для консервативной советской модернизации.

4. Города республики в 1990–2010-е гг.

Внутренние противоречия советской урбанизации в регионе остро проявились уже на рубеже 1980–1990-х гг., а наиболее явно – в первые годы после распада СССР. Резкое сокращение государственного заказа, нарушение наработанных производственных связей, снижение прямых вложений государства и ведомственных предприятий в развитие городских населенных пунктов, противоречивые итоги приватизации региональных предприятий, сокращение занятости и доходов населения и пр. привели к мгновенному по историческим меркам кризису всей системы городского расселения республики к середине 1990-х гг. Этот кризис, острота которого заметно спала в начале 2000-х гг. на фоне стабилизации финансовых дотаций из федерального центра, во многом и определил развитие городов и пгт республики в 2000–2010-е гг.

Шесть городов (Бабушкин, Гусиноозерск, Закаменск, Кяхта, Северобайкальск, Улан-Удэ), получившие этот свой статус в дореволюционный и советский периоды, в 1990–2010-е гг. сохранили его. При этом динамика населения в постсоветский период в них была отличной. В региональном центре – Улан-Удэ – от переписи к переписи наблюдался общий прирост числа жителей (с 352 до 437 тыс. чел.) (табл. 2), главным образом за счет усилившейся концентрации в нем сравнительно многочисленного сельского населения республики [\[26, с. 226–234\]](#). Отметим, к концу 1980-х гг. в сельских населенных пунктах региона проживало 400 тыс. чел. (38,4 % населения), которые вследствие экономических реформ в сельском хозяйстве, начавшихся еще в период Перестройки и приобретших радикальный характер в 1990-е гг., оказались в сложном социально-экономическом положении.

Рост численности населения Улан-Удэ почти на четверть в 1990–2010-е гг. позволил ему занять второе после Якутска место среди региональных центров ДФО по темпам относительного прироста населения в этот период. Одновременно в 2000–2010-е гг. мы наблюдали заметный прирост населения и в ближайших пригородах республиканской столицы, вызванный главным образом усилившейся сельско-городской миграцией [\[10\]](#), которая, как и застройка периферийных городских территорий, приняла вначале преимущественно стихийный характер. «Наша ошибка заключалась в том, что мы не сразу осознали масштабы бедствия, его возможные последствия и очень поздно забили тревогу [...] когда люди из сел уже ощутили город как альтернативу и начали переселяться массово. А произошло это очень быстро» – отмечал в своих мемуарах экс-мэр Улан-Удэ Г. А. Айдаев [\[1, с. 111\]](#).

При этом во всех пяти малых городах республики в изучаемый период наблюдалось общее убытие населения, несмотря на компенсаторную роль сельско-городской миграции из окружающих их сельских районов. Так, крупнейшие из малых городов – Гусиноозерск и Северобайкальск – за три межпереписных периода потеряли 17,9 и 14,5 % населения или, соответственно, 5,3 и 4,1 тыс. чел. По данным переписи населения 2020 г., их население составило сопоставимые 24,4 и 24,2 тыс. чел.. В 1998 г. Гусиноозерск перестал быть городом республиканского подчинения и был включен в

состав Селенгинского района Республики Бурятия. При этом в нем было сохранено и частично реконструировано крупнейшее предприятие – ГРЭС. Северобайкальск после завершения строительства Бурятского участка БАМ сохранил роль важного ее центра с крупными учреждениями и предприятиями железнодорожного транспорта, по существу стал локальным центром севера Бурятии. Несмотря на длительные простой местных предприятий в 1990-е гг., критику проекта БАМ до его ревитализации в конце 2010-х гг. именно в Северобайкальске были зафиксированы наименьшие потери населения (в относительных) показателях среди всех четырех городов на основной линии магистрали от Бурятии до Хабаровского края (Северобайкальск, Тында, Комсомольск-на-Амуре, Советская Гавань).

Около трети населения (27,1%) за три межпереписных периода потерял Закаменск в связи с кризисом и закрытием во второй половине 1990-х гг. градообразующего предприятия – Джидинского вольфрамо-молибденового комбината, который оставил в наследство городу помимо экономических еще и сложные экологические проблемы. Сокращение военно-промышленного производства в СССР в конце 1980-начале 1990-х гг. резко отразилось на этом союзном предприятии еще до распада страны, а кризис 1990-х гг., неспособность административных структур, новых собственников предприятия обеспечить его перезапуск с привлечением необходимых инвестиций, новых, в т.ч. иностранных потребителей лишь усугубили ситуацию и довели ее до логичного окончания.

На 40,1% (2,9 тыс. чел.) сократилось население города Бабушкин, составив, по данным ВПН-2020, 4,3 тыс. чел. (основное убытие произошло в 1990-е гг.), в том числе в связи с кризисом местного леспромхоза, получившего основное развитие в советский период. При этом город сохранил свое историческое значение в качестве железнодорожной станции на Транссибе, что в целом остается, на наш взгляд, единственной существенной причиной, почему он сохраняет статус города, приобретенный еще в 1902 г. (ни одна из проведенных в последствии переписей не фиксировала в нем население более 9 тыс. чел.).

Население еще одного исторического, но намного более известного города Бурятии – Кяхты за последние три межпереписных периода уменьшилось лишь на 0,4 тыс. чел. (2,3%) – с 18,3 до 17,9 тыс. чел. Этому способствовало сохранение городом функции районного центра, отдаленного от других более крупных городских центров, и пункта приграничного контроля с контингентом пограничных войск на российско-монгольской границе.

В целом же население шести городов республики в изучаемый период выросло с 451,8 до 519,8 тыс. чел., т.е. на 68 тыс. чел. (табл. 2), что было связано исключительно с приростом числа жителей регионального центра. На фоне сокращения общего числа пгт и численности их населения в республике доля населения городов в общем городском населении выросла с 70,5 до 89,9% (см. табл. 3). При этом если в позднесоветском Улан-Удэ проживало 55% всего городского населения региона (включая население пгт), то к началу 2020-х гг. – уже 75,6%. Одновременно доля населения города в общем населении региона хоть и увеличилась на почти 11 процентных пунктов, но не превысила 50% (44,7%) (см. табл. 3).

Важно отметить, в Республике Бурятия в изучаемых хронологических рамках между ВПН-1989 и ВПН-2020 мы наблюдали общее снижение численности населения лишь на 6% (62,5 тыс. чел.). В масштабах всего дальневосточного федерального округа оно выглядело крайне умеренным, как и, например, в Республике Саха (Якутия), что было

связано, на наш взгляд, с исторически большей укорененностью местного населения, более высокими показателями естественного прироста населения в этих регионах в 1990–2010-е гг. по сравнению с другими субъектами ДФО. Одновременно Улан-Удэ еще более укрепился в роли важнейшего центра притяжения сельских мигрантов и, в частности, сельских бурят.

5. Поселки городского типа

В 1990–2010-е гг. общее число пгт в Республике Бурятия сократилось с 33 до 12 (табл. 1). В 1990–1991 гг., т.е. еще до распада СССР, четыре рабочих поселка из числа районных центров Бурятской АССР были преобразованы в сельские населенные пункты. 15 ноября 1990 г. по специальному Указу Президиума Верховного Совета БурАССР ими стали административные центры Баунтовского (п. Багдарин), Тункинского (п. Кырен) и Хоринского (п. Хоринск) районов республики [ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. д. 3367. л. 4], а 04 октября 1991 г. – п. Иволгинск Иволгинского района [ГАРБ. Ф. Р-475. Оп. 1. д. 3428. л. 199, 220]. Общая численность их населения, по данным ВПН-1989, составляла 25,5 тыс. чел. В переписи 1989 г. без населения упоминался также п. Гоуджикит Северобайкальского района. Выполнив свою историческую функцию при строительстве БАМ (Байкальского тоннеля) к середине 1980-х гг., поселок уже с 1985 г. готовился к ликвидации [Архивный отдел Администрации г. Северобайкальск (АОАС). Ф. Р-11. Оп. 1. д. 49. л. 7], однако поселковую администрацию решением Президиума Верховного Совета Бурятской ССР перенесли в пос. Солнечный (сельский населенный пункт) только в апреле 1992 г. [АОАС. Ф. Р-1. Оп. 1. д. 260. л. 77]. Предложение Северобайкальского городского Совета народных депутатов преобразовать Солнечный в рабочий поселок, состоявшееся чуть ранее – в феврале 1992 г., было отклонено Верховным Советом Бурятской ССР как «необоснованное» [АОАС. Ф. Р-11. Оп. 1. д. 81. л. 1]. Отметим здесь, что новых пгт на территории Бурятии в 1990-е гг. и позднее не возникло.

В 1990-е гг., в ходе экономических преобразований, разрушения хозяйственных связей и системы государственной поддержки предприятий, подавляющее большинство рабочих поселков в Бурятии пережили серьезный социально-экономический и инженерно-бытовой кризис. Их демографическое развитие характеризовалось преимущественно отрицательными показателями естественного прироста и усилившейся миграцией населения. Общая численность населения рабочих поселков региона в 1989–2002 гг. сократилась на 26,3 тыс. чел. – со 147,8 до 121,5 тыс. чел., т.е. на 17,8% (см., табл. 2, в расчетах не учитывались четыре поселка, ставшие селами, о которых шла речь выше). Из 27 рабочих поселков сельских районов Бурятии в межпереписной период с 1989 по 2002 г. лишь в пяти был зафиксирован прирост населения от 13 до 1093 чел. (Баргузин, Усть-Баргузин, Заиграево, Селенгинск, Ильинка), в остальных двадцати двух – снижение численности. Наиболее резкое сокращение численности жителей относительно 1989 г. произошло в рабочих поселках – железнодорожных станциях БАМ на севере Бурятии, расцвет которых пришелся на 1980-е гг. Так, население п. Кичера, Новый Уоян, Северомуйск, Тоннельный, Янчукан сократилось в это время на 40–90%. Это отразилось и на структуре поселков в разрезе численности их населения (табл. 1).

В 2002–2005 гг. были преобразованы в села поселки Выдрино (Кабанский район), Новокижингинск (Кижингинский район), Холтосон, Баянгол (Закаменский район), Илька, Новоильинск (Заиграевский район), Баргузин (Баргузинский район), Чикой (Кяхтинский район), Селендума, Гусиное озеро (Селенгинский район), Ильинка, Турка (Прибайкальский район). В 2002 г. общая численность этих сел составляла 36,1 тыс. чел., в следующей переписи эти населенные пункты уже не учитывались как «городские». Прошедшим преобразованиям предшествовало сокращение

«градообразующих» производств и полное их закрытие в части поселков. Так, например, пгт Баргузин утратил свой статус «в связи с сокращением крупных производств и доли работников предприятий промышленности и переработки сельскохозяйственной продукции» [ГАРБ. Ф. 2028. Оп. 1. Д. 1512. Л. 56–57], в результате чего структура занятости в нем перестала соответствовать требованиям к рабочим поселкам, установленным упомянутым выше Указом Верховного Совета РСФСР. На момент преобразований существенно сократили производство или были полностью закрыты в Ильке – авторемонтный завод, ПМТС «Заиграевское», районная база минеральных удобрений и «Сельхозхимии» [ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 1348. Л. 124–125], в Новоильинске – Хандагатайский лесокомбинат [ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 1348. Л. 126–127], Баянголе – угольная шахта, электростанция [ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 1344. Л. 37–38], Холтосоне – рудники вольфрама и молибдена [ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 1344. Л. 35–36], в Выдрино – лесоперевалочная база [ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 1183. Л. 40–41], в Новокижингинске – Кижингинское рудоуправление (при бериллий-флюоритовом месторождении) [ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 1183. Л. 42–43], в Чикое – кожевенный завод [ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 1503. Л. 22–23], в Ильинке – лесоперевалочная база [ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 1741. Л. 164–165], в Турке – леспромхоз [ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 1759. Л. 160–161], в Гусином Озере – предприятия железнодорожного транспорта [ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 1516. Л. 132–133], в Селендуме – ремонтно-механический завод [ГАРБ. Ф. Р-2028. Оп. 1. Д. 1516. Л. 130–131].

Еще два пгт – Сокол и Заречный, подчиненные администрации Улан-Удэ, – в 2004 г. были упразднены, оставшись в составе г. Улан-Удэ (Решение Улан-Удэнского городского Совета депутатов от 25.11.2004 г. № 106-18). В 2010 г. они стали микрорайонами города (Закон Республики Бурятия от 09.03.2010 г. № 1313-IV). А п. Тоннельный, обозначенный в документах как «временный», но получивший в 1978 г. статус пгт «в порядке исключения» [2, с. 98], в связи с пуском в эксплуатацию Северомуйского тоннеля на БАМе в 2004 г. был признан закрывающимся, а в 2009 г. окончательно упразднен (Постановление Народного Хурала Республики Бурятия от 01.07.2009 г. № 1016-IV). Также связанный со строительством тоннеля п. Северомуйск, хотя и сохранил статус пгт, но с 1989 по 2020 гг. потерял 90,5% населения (с 9,6 до 0,9 тыс. чел.).

Таким образом, из перечня пгт в межпереписной период 2002–2010 гг. в Республике Бурятия выбыли еще 15 населенных пунктов из 29. Значительное сокращение численности городского населения в результате этих преобразований было компенсировано более существенным приростом населения столицы республики – г. Улан-Удэ за счет включения в его состав пгт Сокол и Заречный, а также положительного сальдо миграции в отдельные годы. Незначительный прирост населения произошел также и в двух пгт республики – Джиде (0,3 тыс. чел.) и Онохой (0,016 тыс.).

С ВПН-2010 по ВПН-2020 количество пгт региона сократилось с 14 до 12: в 2012–2013 гг. в сельские населенные пункты были преобразованы пгт Джиды и Танхой, что, как и в случае их предшественников, связывалось с экономическими причинами, поиском налоговых льгот, возможностями включения в государственные программы развития сельских территорий, поддержки сельского населения, сельских специалистов. Фактически же в начале 2010-х гг. Джиду покинули военные, бывшие для поселка важнейшей основой жизнеобеспечения, а в п. Танхой отсутствовали крупные производственные предприятия и также сокращалось население.

Во всех 12 пгт, сохранивших свой статус в изучаемый период, фиксировалось убытие населения. В целом с 1989 по 2020 гг. в четырех из них оно составило от 6 до 13%

(Усть-Баргузин, Селенгинск, Заиграево, Онохой), в еще четырех – от 30 до 50% (Каменск, Таксимо, Наушки, Нижнеангарск), в остальных четырех (все на БАМе) – от 66 до 90,5% (Кичера, Новый Уоян, Янчукан, Северомуйск).

В результате административных преобразований, миграционного и естественного убытия населения в изучаемый период население пгт республики статистически уменьшилось с 188,6 до 58,6 тыс. чел., т.е. более чем в 3 раза (табл. 2). Необходимо понимать, что значительная часть этого «статистически» утраченного городского населения продолжала жить в изучаемых населенных пунктах, но уже в статусе сельчан.

6. Улан-Удэнская агломерация и ближайшие пригороды республиканской столицы

После включения Бурятии и Забайкальского края в состав Дальневосточного федерального округа РФ в 2018 г. третьей по численности населения городской агломерацией в нем стала Улан-Удэнская. По замыслу региональной власти она включила в себя помимо, собственно, городского округа г. Улан-Удэ четыре окружающих его муниципальных района республики: Заиграевский, Иволгинский, Прибайкальский и Тарбагатайский (см., напр.: Распоряжение Правительства Республики Бурятия от 22.05.2019 г. № 270-р). Весьма произвольный административный подход к делимитации агломерации, надо сказать, был свойственен региональным властям подавляющего большинства регионов ДФО [\[11, с. 24-26\]](#). Отметим, к ВПН-2020 в результате описанных выше преобразований части пгт в границах Улан-Удэнской агломерации осталось только три городских населенных пункта: г. Улан-Удэ и два пгт Заиграевского района (Заиграево, Онохой), которые мы, к слову, не относим к числу его ближайших пригородов.

С 1989 по 2020 гг. население агломерации непрерывно росло от переписи к переписи, в основном за счет г. Улан-Удэ и Иволгинского района, основная часть поселений которого находится на незначительном расстоянии от столицы Бурятии. Так, число жителей Иволгинского района за три десятилетия выросло в 2,6 раза – 162% (с 24,7 до 64,8 тыс. чел.), что стало рекордным «относительным» показателем на всей территории ДФО [\[11, с. 28\]](#). Ни один другой пристоличный муниципальный район или городской округ в 11 регионах федерального округа не показал большего относительного прироста.

Значимый прирост населения по итогам трех постсоветских десятилетий продемонстрировал и Тарбагатайский район (7 тыс. чел., 38,5%), особенно ближайшее к городу с. Нижний Саянтуй, число жителей которого с 1989 по 2020 гг. выросло с 2,2 до 12,2 тыс. чел., т.е. более чем в пять раз. В оставшихся двух пристоличных районах – Заиграевском и Прибайкальском – ситуация была иной. Из-за транспортной удаленности их основных населенных пунктов от Улан-Удэ в 1990–2010-е гг. они не смогли сохранить прежние показатели численности населения. Число жителей Заиграевского района уменьшилось в этот период с 56,5 до 50 тыс. чел. (10,2%), а Прибайкальского, отделенного от Улан-Удэ с двух сторон перевалами («Пыхта» и «Мандрик»), – с 31,1 до 24,2 тыс. чел. (22,3%). В целом доля населения Улан-Удэнской агломерации в общем населении республики в 1989–2020 гг. увеличилась с 47,9 до 61,6% (см. табл. 2), что стало главным образом следствием центростремительной миграции внутри региона.

В число ближайших пригородов Улан-Удэ (Республика Бурятия) нами включены 12 населенных пунктов Иволгинского муниципального района (с. Сотниково, с. Ошурково, с. Гурульба, с. Поселье, с. Сужа, с. Нур-Селение, улус Хойтобэе, с. Нижняя Иволга, улус Улан-Иволгинский, с. Иволгинск, с. Красноярово, п. Тапхар), четыре населенных пункта Заиграевского муниципального района (с. Эрхирик, улус Дабаты, улус Нарын-Шибирь, с.

Нижние Тальцы) и шесть населенных пунктов Тарбагатайского муниципального района республики (с. Нижний Саянтуй, с. Вознесеновка, с. Саратовка, с. Верхний Саянтуй, п. Саянтуй, п. Николаевский). В таком составе ближайшие пригороды Улан-Удэ (22 сельских населенных пункта) показали феноменальный для ДФО демографический и территориальный рост в 1990–2010-е гг. Общее их население увеличилось за три межпереписных периода (особенно в 2010-е гг.) с 17,9 до 82,9 тыс. чел. (в 4,6 раз) (табл. 2.). Отдельные населенные пункты выросли многократно. Так, с. Поселье Иволгинского района на левом берегу р. Селенга увеличилось в 80 раз – на 15,4 тыс. чел., что стало вторым по величине показателем абсолютного прироста числа жителей в пригородном населенном пункте во всем ДФО РФ. Заметно выросло и число жителей ближайших к городу населенных пунктов Тарбагатайского и Заиграевского районов, в то время как более удаленные их территории уже теряли население. Из 22 ближайших к городу пригородных населенных пунктов в шести было зафиксировано общее убытие населения, но везде оно оказалось не существенным в абсолютных показателях. Кроме того, в трех из этих шести сел в 2010-е гг. был отмечен небольшой прирост населения. В целом, бурный рост застройки и заселения ближайших пригородов Улан-Удэ в 2000–2010-е гг. мы склонны рассматривать как одно из региональных проявлений так называемой постсоциалистической пригородной революции [\[30, с. 7–15\]](#). В случае с Улан-Удэ она имела во многом стихийный характер, породив множество социально-бытовых, инженерных, транспортных, экологических и иных проблем на городской периферии [\[10, с. 164–175\]](#), многие из которых не были решены до сих пор.

7. Заключение

Республике Бурятия не удалось избежать большинства негативных последствий общественно-политического и финансово-экономического кризиса 1990-х гг., в том числе в разрезе городского и пригородного расселения. Экономики городов и пгт региона, системы жизнеобеспечения городских населенных пунктов стремительно вошли в ситуацию кризиса уже к середине 1990-х гг. Острота этого кризиса заметно спала к началу 2000-х гг., хотя его последствия, как представляется, не преодолены и до настоящего времени, несмотря на увеличивающуюся поддержку федерального центра и усилия региональной власти. Урбанизационный процесс, который до самого распада СССР происходил в республике под знаком продолжающейся урбанизации (в том числе за счет северных БАМовских районов), в 1990–2010-е гг. заметно усложнился. В его структуре получили развитие процессы дезурбанизации, а также субурбанизация, связанная с движением населения, капитала и пр. из городских микрорайонов в пригородные. Одновременно усилившаяся сельско-городская миграция не позволила «угаснуть» и урбанизации. Синхронное развитие трех процессов – урбанизации, дезурбанизации и набирающей обороты субурбанизации – стало одной из важнейших характеристик урбанизационного процесса в республике в это время.

Статистически городское население региона в результате противоречивых тенденций в области естественного и миграционного прироста / убытия, административных преобразований поселков городского типа, уменьшилось в рассматриваемый период на 9,68% (62 тыс. чел.), что сравнительно немного по забайкальским и дальневосточным меркам. К слову, статистически незначительно сократилось и сельское население республики – лишь на 0,5 тыс. чел. (0,1%). Фактически же мы наблюдали более значительное снижение численности сельских жителей, которое было компенсировано преобразованием более половины пгт региона в сельские населенные пункты, а также стягиванием сельских мигрантов и части жителей городов и пгт республики в пристоличные сельские районы (главным образом в ближайшие к Улан-Удэ сельские

поселения Иволгинского, Заиграевского, Тарбагатайского районов).

Одновременно отток населения из малых городов и пгт, «перемещение» части городского населения в категорию сельского в результате административно-территориальных преобразований пгт были существенно сглажены приростом населения в республиканской столице, доля населения которой в общей численности населения региона выросла с 33,8 до 44,7% (табл. 2). Перераспределение населения в республике, центростремительные сельско-городские миграции существенно проявились в показателях прироста населения в ближайших пригородах Улан-Удэ и в Улан-Удэнской городской агломерации в целом (см. табл. 2-3). Так, доля агломерации в общем населении региона в 1989–2021 гг. увеличилась с весьма существенных 47,9 до 61,6%. Обозначенная трансформация городского и пригородного расселения, как представляется, стала вполне естественным ответом общественных систем региона на изменившиеся в 1990–2010-е гг. условия жизни, диспропорции в развитии главного ресурсного центра – Улан-Удэ и других населенных пунктов региона. В условиях сохраняющегося дефицита средств, отпускаемых на инфраструктурное и экономическое развитие малых городов, пгт, окружающих их сельских территорий, концентрация населения республики в Улан-Удэнской агломерации, вероятно, лишь усилится в ближайшие годы.

Библиография

1. Айдаев Г. А. Записки градоначальника: воспоминания. Иркутск: Отиск, 2023. 200 с.
2. Байкалов Н. С. Стратегии выживания строителей БАМа на современном этапе // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 97-101.
3. Байкалов Н. С. Байкало-Амурская магистраль и северные районы Бурятии: от всесоюзной комсомольской стройки к постсоветской деиндустриализации. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский гос. университет технологий и управления, 2021. 232 с.
4. Байкалов Н. С., Убеева О. А. Формирование городского населения Бурятии: опыт районов строительства БАМ (1970–80-е гг.) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 2(32). С. 96-102.
5. Байкалов Н. С., Цырендашиев Ж. Ж. Особенности формирования новых городских поселений Забайкалья (1950–1980-е гг.) // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. № 3. С. 64-72.
6. Балдано М. Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991): достижения, издержки, уроки. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. 431 с.
7. Балдано М. Н. Байкальский регион: урбанизация и индустриализация // Мир Большого Алтая. 2018. Т. 4. № 2. С. 265-275.
8. Безбожный В. Т. Страницы истории города Бабушкин. М: Вымпел, 2011. 403 с.
9. Богданов В. И. Гусиноозерск – город будущего. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 60 с.
10. Бреславский А. С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
11. Бреславский А. С. Динамика и типы демографического развития «городских агломераций» ДФО РФ в 1990–2010-е гг. // Ойкумена. 2023. № 4. С. 23-35.
12. Бреславский А. С. Субурбанизация и будущее российских городов. Введение в проблематику. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 170 с.
13. Бреславский А. С. Трансформация городского и пригородного расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке России (конец 1980-х – начало 2020-х гг.): дисс. ... д-ра ист. н.: 5.6.1. Улан-Удэ, 2024. 473 с.
14. Владимиров В. Н., Сарафанов Д. Е., Щетинина А. С. Традиционная и новая

- историческая демография: взгляд специалистов // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 99-105.
15. Григоричев К. В. Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития / отв. ред. А. С. Бреславский. Улан-Удэ: Из-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 175-189.
16. Гунаев Е. А. Административно-территориальные преобразования и переименование населенных пунктов в Калмыкии в 1990–1991 гг. // Монголоведение. 2020. Т. 12, № 3. С. 398-413.
17. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета, 2007. 247 с.
18. Кяхта: страницы истории / отв. ред. В. В. Гулгунов. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1999. 159 с.
19. Мысовск – Мысовая – Бабушкин: 1902–2002 / под ред. С. И. Агафонова. Иркутск: ИП Савченко А.В., 2002. 100 с.
20. Мкртчян Н. В. Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия Российской академии наук. Сер. географическая. – 2018. – № 6. – С. 26–38.
21. Наш городок: Закаменску – 60 / сост. и ред. М. С. Батуева. Закаменск: Знамя труда, 2004. 257 с.
22. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в.: социальное, экономическое, культурное развитие. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета, 2010. 310 с.
23. Стась И. Н. Историческая урбанистика в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3(50). С. 93-104.
24. Тиникова Е. Е. Подходы к изучению отечественной модели урбанизации в современной исторической науке // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2022. № 76. С. 120-127.
25. Убеева О. А. Формирование и развитие городского населения Бурятии: 1923–1959 гг.: дисс. ... к.и.н: 07.00.02. Улан-Удэ, 2006. 223 с.
26. Улан-Удэ – 350: история и современность: В 2 т. Т. 2. ХХ–ХХI вв. Иркутск: Оттиск, 2016. 364 с.
27. Фильшин Н. Г. Троицкосавск – Кяхта. Страницы 300-летней истории. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2022. 207 с.
28. Хаптаев Р. Е. К истории города Северобайкальска // Проблемы истории и культурно-национального строительства в Республике Бурятия. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 86-91.
29. Черных В. М. Гусиноозерск: хроника событий. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. 48 с.
30. Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe / ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. 360 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования является социальная топография в контексте урбанизационных процессов в Республике Бурятия на примере таких городских агломераций, как поселки городского типа Таксимо, Северомуйск, Новый Уоян, Нижнеангарск, Тоннельный, города

Бабушкин, Гусиноозерск, Закаменск, Кяхта, Северобайкальск, а также столица республики г. Улан-Удэ. Представлены результаты исследования процесса трансформации города и городского населения Бурятии в период с 1990 по 2010 г. Выделены такие аспекты демографических процессов, как территориальное распределение населения, миграция, последствия советской урбанизации.

Автором использован статистический метод демографических исследований динамики и территориального распределения населения.

Актуальность тематики статьи обоснована достаточно. Задачи демографической политики и регулирования процессов урбанизации требуют усиления внимания к изучению региональных особенностей в демографическом поведении населения. Особое значение имеют исследования региональных различий процессов воспроизводства населения и демографической ситуации, миграций населения и использования трудовых ресурсов. Недостаточность региональный исследований, – считает автор, – и «слабость исторической урбанистики в России» актуализируют исследование.

Исследование проведено на основе данных всероссийских переписей населения 1989, 2002, 2010, 2020 гг. и данных Росстата. Привлечены архивные источники из Государственного архива Республики Бурятия, Архивного отдела Администрации г. Северобайкальск – некоторые архивные материалы впервые вводятся в научный оборот, что обуславливает новизну исследования.

Содержание статьи соответствует названию. Текст статьи структурирован, включает разделы, посвященные историографии городов Бурятии, городскому расселению на момент ВПН 1989 г., городам, поселкам городского типа и Улан-Удэ. Логика и стиль изложения соответствуют научным публикациям.

Библиография. Библиография включает 24 публикации, работы за последние 5 лет составляют 25% (6 наименований).

Выводы соответствуют содержанию статьи, обоснованы. Статья представляет интерес для историков, социологов, интересующихся региональной демографией, может быть востребована специалистами в области территориального развития страны.

Замечания.

1. Есть замечание к исходному положению о недостаточности региональных исследований. Автор ничем не подтверждает данный свой тезис, не пытается проводить сравнительно-сопоставительный анализ развития регионов, не обращается данным региональной статистики.

Есть замечание относительно ограниченности методов исследования и представления результатов исследования. Используемые в статье количественные данные представлены только в текстовом и табличном виде. Между тем обращение к проблеме территориального распределения населения с использованием количественных данных требует пространственного анализа данных, применения методов картографии, геоинформационных методов, изобразительной статистики, графической визуализации данных.

2. Следующее замечание относится к библиографии. Автор обращается в основном к публикациям по истории городов Бурятии, игнорируя новейшие работы по проблемам демографического развития России в целом, других ее регионов, обобщающие исследования, такие как Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С. Традиционная и новая историческая демография: взгляд специалистов // Вестник Томского государственного университета. 2019. 443; Крицкая А.А., Шумилина А.Б., Дряев М.Р. Обзор проблематики неравномерности расселения жителей по территориям федеральных округов Российской Федерации и формирование индексов rationalности как инструментов демографической политики государства // The scientific heritage. 2021. 63; Медяник Ю. В., Валеева Э. Э. Актуальные проблемы развития малых городов России

(на примере города Лениногорск республики Татарстан) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. 11-1 и др.

3. При этом автор в разделе, посвященном историографии, не полемизирует с исследователями, а просто перечисляет работы в общей ссылке, объединяя без должного анализа в одной ссылке от 2 до 9 работ, указанных в библиографическом списке.

4. Пропуск буквы е - "Перед тем, как прейти к обзору ..."

В целях улучшения статьи рекомендуется:

а)использовать сравнительные методы, инструменты ГИС для пространственного анализа, методы изобразительной статистики для визуализации данных;

б) переработать историографический раздел и расширить библиографию за счет привлечения новейших публикаций за последние 5 лет, в то числе по проблемам демографии городов различных регионов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Интерес к городской среде проявляют сегодня как различные специалисты - социологи, экономисты, культурологи, экологи, - так и различные граждане. Заметим, что само понимание города менялось в зависимости от эпохи: это, например, городская реформа Екатерины II, и преобразования советской власти. В настоящее время все еще не преодолены до конца те проблемные точки, которые сформировались в конце 1980-х - 1990-е гг., когда на наших глазах государство во многом самоустранилось от жизненно важных дел.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является городское расселение в Бурятии в 1990-2010-е гг. Автор ставит своими задачами проанализировать постсоветскую трансформацию городского расселения в Республике Бурятия в разрезе ее городов, пгт и столичной Улан-Удэнской агломерации.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать трансформацию городского и пригородного расселения в Республике Бурятия в 1990-е - 2010-е гг. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 30 различных источников и исследований. Одним из источников статьи являются записки бывшего главы города Улан-Удэ А.Г. Айдаева и документы из фондов Государственного архива Республики Бурятия. Из привлекаемых автором исследований отметим труды Н.Г. Фильшина и Р.Е. Хаптаева, в центре внимания которых находятся страницы истории городов Забайкалья, а также социологические работы Е.Е. Тиниковой, О.А. Убеевой, А.С. Бреславского. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как исторической урбанистикой, в целом, так и городами Забайкалья, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "регулирования городским развитием в 1990-е гг. отчетливо проявил все слабости как административно-командной, так и либеральной модели в делах городского управления в России, которые нам еще предстоит изучить". Автор обращает внимание на то, что "к концу 1980-х гг. на территории республики сформировалась относительно разветвленная сеть городских населенных пунктов, в структуре которых центральное место занимал Улан-Удэ – наиболее крупный и инфраструктурно развитый город региона". В работе показано, что "отток населения из малых городов и пгт, «перемещение» части городского населения в категорию сельского в результате административно-территориальных преобразований пгт были существенно сглажены приростом населения в республиканской столице, доля населения которой в общей численности населения региона выросла с 33,8 до 44,7%". На основе статистических данных автор показывает перемены в расселении на территории Республики Бурятия.

Главным выводом статьи является то, что

"в условиях сохраняющегося дефицита средств, отпускаемых на инфраструктурное и экономическое развитие малых городов, пгт, окружающих их сельских территорий, концентрация населения республики в Улан-Удэнской агломерации, вероятно, лишь усилится в ближайшие годы".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 3 таблицами, вызовет читательский интерес, а её материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках урбанистических программ.

В целом, на наш взгляд, статья может быть использована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".